

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много воды утекло с тех пор, как смотрела я в последний раз на это милое, спокойное лицо, целовала эти бледные щеки, покрытые морщинами, глядела в синие глаза, полные доброты и любви; давным-давно благословили меня в последний раз ее слабые руки. Нет уже доброй старушки! Давно отдыхает она в сырой земле!

Но для меня она не умерла! Яркий образ ее сохранился в моей душе, и пока я жива, он тоже будет жить! Владей я мастерски кистью, милая моя бабушка, я восславил бы тебя иначе; этот же набросок, сделанный пером, — не знаю, ах, не знаю, придется ли он кому по вкусу!

Однако же ты частенько говаривала: «Все на свете не угодишь». Хватит с меня и того, если сыщется несколько человек, которые прочитают о тебе с таким же удовольствием, с каким я о тебе писала.

Daraus siehst du, daß die Armen nicht so ganz elend sind, wie wir uns denken; sie haben wirklich mehr Paradies, als wir uns einbilden und selbst besitzen!

*K. F. Gutzkow*¹

¹ Отсюда ты узнаешь, что бедняки не так несчастны, как мы привыкли думать. В действительности, они ближе к раю, чем мы себе представляем; ближе, чем мы сами! *К. Ф. Гуцков (Карл Фердинанд Гуцков (1811–1878) — немецкий писатель, драматург и общественный деятель. — Примеч. ред.)*

I

У бабушки были сын и две дочери. Старшая много лет жила в Вене у друзей и там вышла замуж. Вторая дочь заняла после этого ее место. Сын-ремесленник тоже к тому времени женился, жена его была городская, и он поселился в ее доме. Бабушка жила-поживала в горной деревеньке на границе с Силезией, в маленьком домишке, вместе со своей ровесницей — старой Беткой, которая служила еще у бабушкиных родителей.

Одинокой она себя не чувствовала; деревенские обитатели стали ей все равно как родные, она же была им матерью и советницей, и без нее не обходились ни крестины, ни свадьбы, ни похороны.

И вот внезапно получила бабушка письмо от старшей дочери из Вены; та сообщала, что ее муж определился на службу к одной княгине, у которой в Чехии есть большое имение, расположенное всего в нескольких милях от бабушкиной деревеньки. Туда-то, мол, она с семейством и перебирается, а муж будет жить там только в летние месяцы, тогда же, когда и княгиня. Кончалось письмо слезной просьбой: пускай бабушка переседет к ним навсегда и коротает век подле своей дочери и внучат, которые ее ждут не дождутся. Бабушка горько расплакалась — она не знала, как ей поступить. Сердце влекло ее к дочери и внукам, тем более что детишек этих она до сих пор ни разу даже не видела, а привычка нашептывала остаться в своем домишке, рядом с верными друзьями. Но кровь не водица, тоска по родным в конце концов победила, и бабушка решила ехать. Домик свой со всем, что в нем было, оставила она старой Бетке со словами: «Не знаю, приживусь ли я там, а то, может, умру все же здесь, рядом с вами».

Спустя какое-то время к бабушкиному дому подкатила повозка и кучер Вацлав погрузил на нее расписной сундук, прялку, без которой старушка никак не могла обойтись, корзинку с четырьмя хохлатыми цыплятами, мешочек с двумя четырехцветными котятами и, наконец, саму бабушку, мало что видевшую из-за застилавших глаза слез. Друзья проводили ее благословениями, и она отправилась на новое житье.

Ах, с каким нетерпением ожидали ее в Старой Белильне!¹ Так местные называли стоявший на отшибе в живописной

¹ *Белильня* — место, где возле воды отбеливались под солнцем холсты. — *Здесь и далее примеч. перев.*

БАБУШКА

долине дом, отведенный пани Прошековой, бабушкиной дочери, под жильё. Дети то и дело выскакивали на дорогу — посмотреть, не показался ли Вацлав, и говорили каждому, кто шел мимо: «Сегодня приедет наша бабушка!» Да и между собой беспрестанно шушукались: «Какая же она, эта бабушка?»

Они знали много бабушек, их образы путались у них в головах, и они не понимали, на кого похожа их собственная. Наконец подъехала долгожданная повозка.

— Бабушка едет! — разнеслось по дому.

Хозяин пани Прошек, хозяйка, Бетка с младенцем на руках, дети и два огромных пса, Султан и Тирл, выбежали навстречу путешественнице.

Из повозки выбралась женщина в большой белой шали, одетая по-деревенски. Дети, все трое, рядком, замерли на месте, не спуская с нее глаз. Батюшка пожал ей руку, матушка с плачем ее обняла, а она со слезами поцеловала обоих в щеки. Бетка поднесла ей малышку, пухленькую Аделку, и бабушка засмеялась, назвала ее «милым дитятком» и перекрестила. Потом она взглянула на других ребятишек и окликнула их ласково:

— Детки мои золотые, голубчики мои, как же я хотела вас увидеть!

Но они потупились и так и стояли, пока мать не велела им подойти к бабушке, и только тогда подставили они ей для поцелуя свои розовые щеки. Дети просто опомниться не могли. Почему их бабушка совсем не такая, как те, которых они видели прежде? Такой бабушки им еще встречать не доводилось! Они не могли наглядеться на старушку. Обходили ее кругом, осматривали с ног до головы.

Удивлялись ее темной шубейке с длинными фалдами сзади, сборчатой зеленой юбке из камлота¹, окаймленной по подолу широкой лентой; любовались красным цветастым платочком, повязанным под белой шалью; присаживались на корточки, чтобы получше разглядеть красные клинья на белых чулках и черные туфли. Вилемек поскреб пальцем разноцветные лоскутки, нашитые на холщовую сумочку, которая висела у бабушки на локте, а Ян, старший из мальчиков, осторожно приподнял белый, в красную полоску фартук, потому что нащупал под ним что-то твердое. Это оказался огромный кошель! Яну очень хотелось узнать, что там лежит, но Барунка, самая старшая, оттолкнула его, прошептав:

— Вот я расскажу, что ты лезешь в бабушкин кошель!

Шептала она так громко, что все вокруг ее слышали; бабушка прервала разговор с дочерью и открыла кошель со словами:

— Ну-ка поглядим, что тут у меня!

И выложила на колени четки, складной ножичек, несколько хлебных корок, обрывок шнурка, две марципановые лошадки и две куколки. Лошадки и куколки предназначались детям; подав их, бабушка добавила:

— Я вам и еще кое-что привезла.

И тут же извлекла из сумочки яблоки и крашеные яйца и выпустила из мешочка котят, а из корзинки — цыплят. То-то было радости! То-то детки напрыгались! Бабушка оказалась лучшей бабушкой на свете!

— Котята майские, в четыре цвета, они отлично ловят мышей; в доме от них только польза. А цыплята ручные; если

¹ *Камлот* — плотная шерстяная ткань, иногда с примесью шелка.

БАБУШКА

Барунка их научит, они станут бегать за ней, как собачки! — объяснила бабушка, и ребята, уже не робея, засыпали ее разными вопросами и вскоре совсем с ней подружились.

Мать их даже одернула — дескать, надо дать бабушке отдохнуть с дороги, но бабушка сказала:

— Ничего, Тереза, пускай порадуются нашей встрече! — И внуки остались с ней.

Один взобрался к старушке на колени, второй вскарабкался на скамью, где она сидела, а Барунка стала прямо перед ней и принялась разглядывать. Одному кажутся странными ее белые волосы, второму — морщинистые руки, а девочка говорит:

— Ой, бабушка, у вас всего четыре зуба.

Бабушка с улыбкой гладит темно-каштановые кудри внучки:

— Я старая; когда вы будете старыми, то тоже изменитесь.

Но ребятишки не могут поверить, что их беленькие гладкие ручки станут со временем такими же сморщенными, как руки у бабушки.

Бабушка сразу, с первой же встречи, завоевала сердца своих внучат и отдала им свое. Пан Прошек, бабушкин зять, которого ей прежде видеть не доводилось, покорила старушку душевностью и красивым лицом, светившимся добротой и искренностью. Правда, был в нем один изъян: он не говорил по-чешски. А она и то немногое, что прежде разбирала по-немецки, давно позабыла. А ведь ей так хотелось поговорить с Яном! Но тот ее успокоил — чешскую речь он, мол, понимает; бабушка скоро услышала, что говорят в доме на двух языках. Дети и прислуга обращались к пану Прошеку по-чешски, а он отвечал им по-немецки, и все друг дружку понимали. Бабушка надеялась, что тоже со временем начнет разбирать, о чем Ян толкует, а пока будет справляться как может.

Дочку свою бабушка еле узнала, ей-то Тереза помнилась веселой деревенской девушкой, а теперь перед ней предстала серьезная молчаливая женщина в господском платье и с господскими же манерами. Нет, не такова была ее прежняя Терезка! Вдобавок бабушка сразу заметила, что и хозяйство ве-

дется здесь совсем не так, как она привыкла. В первые дни у нее голова кругом шла от радости и удивления, но постепенно ей становилось не по себе в новом доме; она чувствовала какую-то неловкость и, если бы не внучата, предпочла бы, пожалуй, вернуться в свою хибарку.

У пани Терезки и впрямь появились кое-какие господские прихоти, но упрекать ее за это никто бы не стал, потому что женщина она была хорошая и рассудительная. Мать свою пани Прошекера очень любила, а отпускать ее от себя не хотела еще и потому, что служила в замке кастеляншей и никому, кроме матери, не могла доверить дом и детей.

Поэтому она огорчилась, увидев, что бабушка тоскует, но, к счастью, быстро поняла, чего именно не хватает старушке на новом месте. И однажды сказала:

— Я знаю, матушка, что вы привыкли трудиться и что вам скучно целый день возиться с ребятишками. Если вы хотите прясть, так на чердаке у меня есть немного льна; коли он в этом году уродится, то будет его у нас вдоволь. И очень бы вы меня одолжили, если бы согласились приглядывать за нашим хозяйством. Я ведь в замке работаю и еще шью и готовлю, вот все время у меня на это и уходит, а прочее я вынуждена на чужих людей оставлять. Пожалуйста, станьте мне помощницей и распоряжайтесь в доме так, как сочтете нужным.

— Я согласна, хотя и боюсь не угодить тебе; к работе-то я привычная, — ответила ей польщенная бабушка.

И в тот же день она взобралась на чердак, чтобы взглянуть на лен, а на завтра внуки впервые увидели, как крутится бабушкино веретено.

Первым делом бабушка занялась выпечкой хлеба. Ей невыносимо было смотреть на то, как небрежно обращается

служанка с Божьим даром: в квашню и из квашни, в печь и из печи — и все без крестного знамения, словно не хлеб у нее в руках, а кирпич какой. Бабушка, когда тесто ставила, всегда над квашней знак креста в воздухе чертила, и это благословение повторялось до тех пор, пока готовый хлеб на столе не оказывался. И никакой ротозей не должен был стоять рядом, потому что он мог «Божий дар сглазить», так что Вилимек, входя на кухню, где пекся хлеб, никогда уже не забывал сказать: «Господи, благослови!»

Когда бабушка пекла хлеб, у внучат бывал праздник. Им всякий раз доставались поскребыши (хлебцы из остатков теста), а то и булочки с яблоками или сливами, чего прежде никогда не случалось. Правда, им приходилось внимательно следить за тем, чтобы крошки не падали на пол. Крошки со стола бабушка отправляла в печку, приговаривая: «Крошки — огню». Если же кто-нибудь из ребят крошил на пол, бабушка велела немедленно все подобрать:

— Нельзя на крошки хлебные наступать, потому как от этого души в чистилище плачут.

А еще ее очень сердило, когда хлеб был нарезан неровно.

— Кто с хлебом не управится, тот и с людьми не справится, — вот что она говорила.

Однажды Елик¹ попросил, чтобы бабушка нарочно отрезала для него горбушку, ведь она такая вкусная, но старушка не согласилась:

— Разве ты не слыхал, что кто хлеб кромсает, тот Христу пятки режет? Не надо тебе горбушку, не привередничай!

Так что пришлось малышу обойтись без любимого лакомства.

¹ Елик, Гонза, Гонзичек — уменьшительное имя от имени Ян.

Все хлебные кусочки и корочки, недоеденные внуками, бабушка прятала в свой кошель; если ей случалось идти мимо воды, она бросала их рыбам, а если гуляла с детьми, то крошила хлеб муравьям или лесным птицам; короче говоря, у нее ни единая крошка не пропадала, и она не забывала напоминать внукам:

— Цените Божий дар, без него людям плохо, а того, кто его не ценит, Бог тяжело наказывает.

Если ребенок ронял хлеб, то ему полагалось поцеловать его, как бы прося прощения; так же поступала бабушка и с горошинкой, замеченной ею на земле: она поднимала ее и целовала почтительно. Тому же она учила и внуков.

Если бабушка видела упавшее гусяное перышко, то непременно указывала на него со словами: «Подними-ка его, Барунка!» Иногда Барунке лень было наклоняться, и она говорила:

— Да ну, бабушка, одно-то перышко?

И бабушка отвечала правоучительно:

— Девочка моя, одно перо к другому — вот их уже и много; не забывай поговорку: хорошая хозяйка за перышком и через забор прыгнет.

Комнаты у пани Прошековой были обставлены современной мебелью, но бабушке она не больно-то нравилась. Ей казалось, что на этих пухлых креслицах с резными ручками неудобно сидеть: вечно будешь бояться на пол упасть, а обопрешься на спинку — так она, пожалуй, переломится. На диван она уселась всего один раз; когда пружины под ней прогнулись, старушка так перепугалась, что чуть не закричала. Дети смеялись, усаживались на диван, подпрыгивали на нем и звали бабушку к себе, но та только отмахивалась:

— Вот еще — на качели садиться; они для таких, как вы, годятся, не для меня.

На блестящие лаковые столики и шкафчики она старалась ничего не ставить («Еще поцарапаю!»), а застекленную горку, полную всяких безделушек, обходила стороной «от греха подальше». А вот дети любили скакать рядом с ней и иногда что-нибудь разбивали. Тогда матушка делала шалунам строгое внушение. Зато бабушка с удовольствием подсаживалась к пианино, держа на коленях малышку Аделку, если та капризничала, потому что ребенок замолкал, когда старушка принималась тихонько постукивать по клавишам. Барунка даже пробовала научить бабушку паигрывать одним пальцем «А вот кони, а вот кони...», и бабушка кивала в такт и подпевала, приговаривая:

— Чего только люди не напридумывали! Можно подумать, там внутри птичка поет.

Так что без особой нужды бабушка в гостиную не заходила и, если не хлопотала по хозяйству в доме или во дворе, предпочитала сидеть в своей комнатке, по соседству с кухней и людской.

Комнатка эта была устроена по бабушкиному вкусу. У большой печи стояла скамья, вдоль стены — бабушкина кровать; рядышком с печкой, в ногах кровати, помещался расписной сундук, а у другой стены располагалась кроватка Барунки, которая ночевала у старушки. Посредине красовался липовый трехногий стол, а над ним свисала с потолка бумажная голубка — видимый образ Святого Духа. В углу у окошка стояла прялка; на пряслице была намотана кудель¹, из кудели торчало веретено; мотовило, служившее для наматывания пря-

¹ *Пряслице* (прясло) — деревянная подставка, куда при прядении привязывается *кудель*, то есть волокно льна, обработанное для приготовления пряжи.

БАБУШКА

жи, покачивалось на гвоздике. По стенам были развешаны картинки с изображениями святых; прямо над бабушкиной кроватью виднелось распятие, увитое цветами. Между рамами зеленели в горшках мускат и базилик, а на оконных откосах висели холщовые мешочки со всяческими кореньями, липовым и бузиновым цветом, ромашкой и многим другим — это была бабушкина аптека. За дверью висела на крючке оловянная кропильница. В ящике маленького столика хранилось бабушкино шитье, томик божественных песнопений, молитвенник для особых случаев, моток запасных шнурков для прялки, «мелок волхвов», освященный в праздник Богоявления, и «громовая свеча», которую бабушка всегда зажигала во время грозы. На печке лежали кремень с кресалом

и трут¹. В комнатах огонь давно разжигали с помощью бутылочки с фосфором, но бабушка не хотела иметь с этой дьявольской штуковиной ничего общего. Правда, однажды она ею все-таки воспользовалась... и едва не задохнулась, да еще и прожгла фартук, который носила целых двадцать пять лет. С тех пор она к бутылочке не прикасалась. Старушка привыкла к кресалу, а тряпки для трута приносили ей внуки; они делали спички, окуная жгутики в серу. Детям это занятие очень нравилось, и они каждый день спрашивали бабушку, не нужны ли ей новые спички. Лишь удостоверившись, что ее зажигательное приспособление лежит на печке, бабушка могла со спокойным сердцем укладываться спать.

Но более всего в бабушкиной комнатке занимал малышей расписной сундук. Они любили разглядывать нарисованные на его красной крышке синие и зеленые розы с коричневыми листьями, голубые лилии и паривших над ними красно-желтых птичек; а еще детишки очень радовались, когда бабушка иногда его открывала. Да уж, там было на что посмотреть! Вся внутренняя часть крышки была обклеена картинками и листочками с молитвами — память о богомольях. А сколько всего интересного хранилось в маленьком ящичке! Семейные бумаги, письма от дочерей из Вены, холщовый мешочек, полный серебряных монет, которые взрослые дети слали бабушке в подарок и которые она не тратила, а только любовалась ими. И еще деревянная шкатулка с пятью низками гранатов и при-

¹ *Кремень, кресало, трут* — эти предметы служили для разжигания огня. Кресалом, чаще всего сделанным в виде стальной пластинки, высекали искры из кремня, очень твердого камня, и искры воспламеняли трут. Трутом могли служить не только ветхие тряпочки, но и, например, высушенный гриб-трутовик.

вешенной к ним серебряной монетой с изображениями императора Иосифа и Марии Терезии¹. Отпирая шкатулку (она всегда это делала, когда внуки приступали к ней с просьбами), старушка говаривала:

— Вот, голубятки, эти бусы подарил мне к свадьбе ваш покойный дедушка, а этот талер я получила из рук самого императора Иосифа. Хороший был человек, благослови Господь его память!

А запирала она шкатулку со словами:

— Вот умру я, и все это будет вашим!

— Но, бабушка, как же так вышло, что император подарил вам талер? Расскажите! — попросила ее однажды Барунка.

— Напомните мне как-нибудь потом, и я с радостью расскажу, — ответила бабушка.

Еще в ящичке хранились двое освященных четок, ленты для чепцов... и какое-нибудь лакомство для детишек.

На самом дне сундука лежали бабушкино белье и одежда. Все эти юбки, фартуки, летние жакетики, корсажи и платки были аккуратнейшим образом сложены; сверху красовались два накрахмаленных чепца с пышными бантами на затылке. Детям ничего из этого трогать не дозволялось, но если бабушка была в хорошем расположении духа, то она сама по очереди вынимала одну вещь за другой, поясняя:

— Смотрите, дети, эта юбка у меня уже пятьдесят лет, а эту кофту носила еще ваша прабабушка, а этот фартук — ровесник вашей матушки, и поглядите-ка — все как новое! А вы вот вечно одежду портите. Верно, оттого, что не знаете пока цену

¹ *Иосиф II* (1741—1790) — король Германии, император Священной Римской империи. *Мария Терезия* (1717—1780) — мать Иосифа II, эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии и Богемии.